

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЙ ДЕНДИЗМ А. В. ДРУЖИНИНА

*Работа представлена кафедрой русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. А. Котельников*

А.В. Дружинин – русский писатель, критик и переводчик, имя которого стало синонимом слова «денди» еще в XIX в. Однако дендизм Дружинина – явление, связанное не только с мировоззрением писателя, но и с глубинными процессами, происходившими в литературе его времени, и даже шедшее вразрез с этими процессами.

Ключевые слова: Дружинин, дендизм, русская литература, XIX в.

A. Semyonova

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЙ ДЕНДИЗМ А. В. ДРУЖИНИНА

A.V. Druzhinin is a Russian writer, literary critic and translator whose name became a synonym for “dandy” as early as in the XIXth century. Nevertheless, Druzhinin’s dandyism is a phenomenon connected with and even opposing profound processes in Russian literature of Druzhinin’s time.

Key words: Druzhinin, dandyism, Russian literature, 19th century.

А. В. Дружинин родился в год создания «Руслана и Людмилы», а в год рождения Оскара Уайльда написал «Легенду о Кислых водах».

Дендизм, кратчайшее определение которому – «панэстетическая оппозиционность», развивался волнообразно, пережив в эпоху романтизма «классическую» пору*. В 40-х гг. XIX в. дендизм проходит стадию рефлексии, но в России этот этап парадоксально совпадает с эпохой «натуральной школы», окончательно разделив два эстетически оппозиционных направления, понимаемые как «пушкинское» и «гоголевское» течения в литературе, что начинает отчетливо осознаваться писателями-денди. Для русских дендилитераторов эпохи – Дружинина и Соллогуба – дендизм превращается как в поле новаторства, так и в признак новой оппозиционности, почва для которой – современность.

Парадоксы и непонимание являются неотъемлемой частью судьбы писателей-денди и даже посвященных им исследовательских работ. Так, датский исследователь Михаил Анмартин Бройде в своем масштабном исследовании констатирует: «Дружинин в те-

чение всей своей деятельности критика боролся с так называемым дендизмом в литературе, т. е. с угодливым и восхищенным показом жизни аристократии» [2, с. 229], приравнивая истинный дендизм как «новый аристократизм» (термин Бодлера) к творчеству и поведению эпигонов, сохранивших лишь огрубленную оболочку дендизма. Данное различие отчетливо понимается самим Дружининым: не находя примеров подлинного дендизма (т. е. и аристократизма, и независимости) среди своих современников, он испытывает тоску по «увлекательному, пиршественному, остроумному, великому осьмнадцатому столетию» [2, с. 280]. Дружинин питает неприязнь и к новому поколению, и к современному Петербургу, и к своему «прозаическому времени» [8, с. 510].

В отличие от прочих русских денди, питавших интерес к Франции, Дружинин совершает «побег» в другую эпоху наряду с апелляцией к иной – британской – культуре. Дружинин вызывает недоумение у своих современников, идя вразрез с революционно-демократической критикой и провокационно выступая за «чистое искусство». Дружинин

идет еще дальше и нарочито противопоставляет себя эпигонам дендизма, «нахальным львам с плешивою маковкой и безумным тщеславием» [6, с. 425], дискредитирующим само звание денди. У Дружинина противопоставляются два аллегорических типа: «лев» и «медведь», первый ассоциируется с франтом, второй – с образом мужлана. Что примечательно, Дружинин неоднократно заявляет о своей принадлежности именно ко второму типу, подчеркивая тем самым свою «благородную независимость от условий мелочного дендизма» [6, с. 424].

Писатель «второго ряда» редко выступает творцом новых форм и типов, и в этом смысле Дружинина приятно рассматривать как представителя «натуральной школы», ведомого, а не новатора. Однако уже «Поленька Сакс» стала живым опровержением утверждения Белинского «о невозможности написать замечательное произведение без применения метода натуральной школы» [1, с. 138].

В эпоху положительных людей Дружинин позиционирует себя как посторонний наблюдатель «вне времени». Он повсеместно (совершенно в британском стиле) подчеркивает собственную несерьезность и «дилетантизм», провокационно провозглашая свою немодность и несовременность, поругивая свое «медвежье перо» [6, с. 744]. Подчеркнутая несовременность – важная характеристика английских чудачков. «Отношение к моде в этом плане может явиться своеобразным индикатором эксцентричности: обычным людям свойственно идти вслед за модой» [7, с. 160]. В полном соответствии с дендистским принципом «спрецтатуры» (намеренное сокрытие любых приложенных к творчеству усилий, нацеленность на впечатление легкости), Дружинин называет свое повествование анекдотом, извиняясь в его «неполноте и легкости» [6, с. 545]. В «Шарлотте Ш-ц» Дружинин характеризует свой метод: «Я беру жизнь как она есть, не торгуясь и не восхищаясь» [2, с. 454]. Там, где повествование скучно, Дружинин объявляет, что добился своей цели, вызвав у читателя нужное ощущение, необходимое по внутренним законам повествования [2, с. 595].

Во все времена у писателей-денди завуалирована авторская позиция, отсутствует прямой дидактизм и оценочность, нет четкого деления героев на положительных и отрицательных (но при этом есть большое стремление к типизации), важна ирония и самоирония, а также внимание к мельчайшим деталям**. Масштабность, серьезность, недостаток самоиронии в гоголевском письме противоречит важным дендистским принципам «кэмповости» (насквозь ироничному и самоироничному игровому повествованию) и «спрецтатуры».

Рассматривая лексико-семантическую группу «денди» у Дружинина, мы наблюдаем характерное разграничение коннотаций. Слово «фат» получает самый негативный оттенок, как воплощение того, что ненавистно Дружинину (нередко в синонимы попадает и «денди»*** – но только когда речь идет о современности), также часто ироничное отношение ко «львам». Нежно-шутливый тон наблюдается в употреблении слов «пети-метр», «щеголь», а особенно – «чудак», воспринимаемых Дружининым как относящиеся к старой эпохе либо вневременные. «Чудак» занимает одно из первых мест по количеству словоупотреблений в прозе Дружинина и всегда связан с положительной оценочностью, нехарактерной для русской ментальности [7, с. 146–148], неизменно ассоциирован в сознании автора с британской аристократической культурой, самостоятельностью в мыслях и поступках, парадоксальностью и непрактичностью как положительными качествами. Возможно, Дружинин бессознательно переносит на чудака ту роль аристократического индивидуалиста-одиночки, в которую ставит современное ему общество героя дендистского типа.

Любимые герои «дендистского универсума» Дружинина: эксцентрики, эстеты, чудачки и эпикурейцы, всегда наделенные прекрасным вкусом и врожденным аристократическим инстинктом, нередко с оттенком устарелости и романтизма – Константин Сакс, представитель поколения байронических романтиков Барон Реццель и любимец автора – андрогинный «Амур» Костя («Рассказ Алек-

сея Дмитрича»), Виктор Самборский («Пашенька»), англоман Павел Павлович («История одной картины»), рассказчик из «Прошлого лета в деревне», «странный человек» и «безукоризненный лев» Барсуков («Легенда о Кислых водах»).

Дружинин рефлектирует и по поводу смены поколений в дендизме, всегда отзываясь о старом поколении как о милом, немного смешном, с яркими литературными образцами – жизненными ориентирами. Автор не только рисует в каждом произведении героя, наделенного чертами денди, но и создает «альтер эго» автора, наследника романтических денди врача Армгольда. Армгольд – «странный человек», у которого есть «непонятная власть надо всем», в его речах просвечивает «холодное, безотрадное отвращение к людям и их интересам», при этом его «маленькая слабость» – «считать людей равно за ничто» [3, с. 214–215]. Вместе с тем действия героя часто непредсказуемы и не преследуют никакой личной выгоды. Именно Мефистофель-Армгольд произносит приго-

вор не только себе и Радденскому, но и автору: «Есть такие организмы, которым, родившись, следовало бы всю жизнь простоять стеклянным колпаком. <...> Они страдают там, где никто не страдает» [3, с. 196–197].

Исторически денди соединяет в себе тип «русского европейца» и «лишнего человека», в 40-е гг. окончательно входя в конфронтацию с типом «новых людей» и профанируясь в хлестаковском образе. Центральной фигурой своего «универсума» Дружинин делает новый тип – смешение традиционного дендистского «лишнего человека» и британского «чудака», пересаженного автором на родную почву, в том числе в собственном лице. Над пропастью «прозаического времени» писатель строит мостик к следующей эпохе предельного и открытого автобиографизма, имморализма, в некотором роде возрождающего либертенство, андрогинного эстетства, нового индивидуализма и утверждения абсолютной власти красоты, задолго до Леонтьева и Уайльда развивая те мотивы, которые станут актуальны в XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Многочисленные исследования французских, британских и русских авторов не дают четкого определения дендизма. Мы рассматриваем данное явление в широком (временном, территориальном, общекультурном) его понимании (актуальном для Ю. М. Лотмана, F. Coblenze, О. Б. Ванштейн и др. исследователей).

** Для Дружинина, как и для его современника Соллогуба, современный им растиражированный дендизм и «браммелевское» направление мыслей – два разных явления с разным к ним отношением. Однако впоследствии (в первую очередь благодаря французским авторам-денди) все разновидности оппозиционного панэстетизма с их характерными чертами подводятся под общий знаменатель дендизма и для исследований XX–XXI вв. характерно использование «денди» в качестве ядра семантического поля.

*** О детали нового типа, возникшей у Пушкина и возродившейся только у Чехова, см.: Чудаков А. П. Какой воротник был у Евгения Онегина? Проблемы комментирования романа и его поэтика // Пушкин и мировая культура. М., 1999. С. 53–55.

Перцепция пушкинской и гоголевской традиции освещена Дружининым в программных статьях «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856) и «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (1865).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алдонина Н. Б. А. В. Дружинин (1824–1864): малоизученные проблемы жизни и творчества: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов: Изд-во СГУ, 2006. 51 с.
2. Бройде А. М. А. В. Дружинин: жизнь и творчество. Copenhagen: Rosenkilde&Bagger, 1986. 533 с.
3. Дружинин А. В. Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Типогр. Имп.АН, 1865. Т. 1. 656 с.
4. Дружинин А. В. Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Типогр. Имп.АН, 1865. Т. 2. 455 с.

5. *Дружинин А. В.* Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Типогр. Имп.АН, 1865. Т. 6. 540 с.
6. *Дружинин А. В.* Собрание сочинений: в 8 т. СПб.: Типогр. Имп.АН, 1865. Т. 8. 770 с.
7. *Карасик В., Ярмахова Е.* Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. 240 с.

REFERENCES

1. *Aldonina N. B. A. V. Druzhinin (1824–1864): maloizuchennye problemy zhizni i tvorchestva: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* Saratov: Izd-vo SGU, 2006. 51 s.
2. *Broyde A. M. A. V. Druzhinin: zhizn' i tvorchestvo.* Copenhagen: Rosenkilde&Bagger, 1986. 533 s.
3. *Druzhinin A. V. Sobraniye sochineniy: v 8 t. SPb.: Tipogr. Imp.АН, 1865. Т. 1. 656 s.*
4. *Druzhinin A. V. Sobraniye sochineniy: v 8 t. SPb.: Tipogr. Imp.АН, 1865. Т. 2. 455 s.*
5. *Druzhinin A. V. Sobraniye sochineniy: v 8 t. SPb.: Tipogr. Imp.АН, 1865. Т. 6. 540 s.*
6. *Druzhinin A. V. Sobraniye sochineniy: v 8 t. SPb.: Tipogr. Imp.АН, 1865. Т. 8. 770 s.*
7. *Karasik V., Yarmakhova E. Lingvokul'turny tipazh «angliyskiy chudak».* М.: Gnozis, 2006. 240 s.